

Парнасский летописец

Волгоград 2017

ББК

Парнасский летописец: летопись литературного объединения «Парнас»: стихи, проза. – Волгоград: Издатель, 2017. -- с.

**I раздел
(1994—1999)**

Стихи

Отрывок из поэмы «Куликовское поле»

Вступление

*Не уважать своих предков
есть постыдное малодушие.*
Александр ПУШКИН

Над волнами скошенной пшеницы
Век двадцатый, век ракетный плыл.
Слушая пиликанье синицы,
Я по полю Дикому ходил.
И, страдая, словно от недуга,
От людей вдали и от жилья,
Думал: не найдется ли кольчуга
Или хоть обломок от копья?
Только все давным-давно истлело
И растаял страшной битвы стон.
За века Непрядва обмелела,
Сузился намного батька-Дон,
Вымерла зеленая Дубрава,
Красный холм от старости осел.
Но витает над Россией слава
Предками свершенных ратных дел.
За свободу нашу в битве пали
Лучшие из лучших мужиков!
Войны, битвы, что потом бывали,

Не затмили подвиг земляков...
Память в поколениях нетленна!
Потому я дал себе обет:
Вывести героев, как из плена,
В наши дни из тех далеких лет.

1

Колыхалась позади Непрядва.
Прогибалась в междуречье твердь.
Строились полки не для парада —
Строились друг друга посмотреть.
Строились примериться к округе,
Как задумал для сраженья князь.
И цвели знамена и хоругви,
Красками Отечества лучась.
Все полки стояли так, как надо!
Конный полк уже в засаде был.
Впереди ордынские отряды.
И Мамай ждал подвига тех сил!..
Ехал Дмитрий — сердце ликовало.
Труд его был ясно виден всем:
Словно стенка, воинство стояло,
Как зубцы, мерцали к шлему шлем!..
Копья, сабли, палицы, рогатки...
Прикипели к жилистым рукам.
Надвигалось время жаркой схватки —
Время испытанья мужикам.
И прохладой дышащее поле
Оглашал молящий разговор:
— Помоги, Бог! Вырвать из неволи
— Полоненных братьев и сестер...

— Помоги, Бог! — слышалось от свиты, —
— Отчину избавить от татар!
Нелегко князь на былые битвы
Собирал разрозненных бояр.
Кто-то приходил через недели,
Кто-то, скрывшись, вовсе не пришел.
Отсидеться многие хотели,
Проклиная ханский произвол...
Смутными в столетье были годы,
Непонятны множеству умов.
Но с татарской данью воеводы
Дань себе тянули с мужиков.
И на поле Девичьем¹, в Коломне,
Признавались перед всем полком:
— Княже, каюсь, прошлого не помни!
Искуплю свои грехи в бою с врагом...
Князь смотрел на них и удивлялся,
И прощал то нераденье им.
Вспомнил, как с литовским князем
дрался
И с его союзником — тверским.
Вспомнил, как «встречал» татар
на Воже²,
Как топили в речке степняков.
Там, прижав врага к речному ложу,
Был победным бой его полков.
— Будет татарва и здесь побита, —
Думал он, — надежда вся на них!
Коль душа для подданных открыта,
Каждый будет биться за троих!..

Замерла приречная округа.
Князь московский выехал на склон.
Серебрились щит его, кольчуга...
Над седлом вперед подался он.
Темный от походного загара.
Борода, усы, державный взгляд.
Накануне главного удара
Он глядел на всех, как старший брат,
Там, после короткого привала,
Где не многим удалось прилечь,
Так тогда, мне кажется, звучала
Князя вдохновляющая речь:
— Ратники! Друзья мои и слуги!
В Диком поле, в этот ранний час,
Поклянемся на святой хоругви,
Пусть услышит наше Слово Спас³,
Что едины мы душой и сердцем
С мудрым покровителем своим,
Что дадим отваду иноверцам,
Нашу Русь и веру сохраним.
Наступило, други, время биться —
Голос князя пламенно звучал, —
Нам Победу в лавровой светлице
Троицкий игумен⁴ предвещал...
Татарвы на нас бегущей много,
Но и нас немало, видит Бог!
Выпадет не всем домой дорога,
Но других не вижу я дорог...
— Други! — он изрек. — Не обессудьте,
Мне ль в бою под знаменем стоять?

Буду я сражаться в первом сступе,
Бренку вверим знамя охранять!..
И, надев дружинника одежды,
Князь на боевого сел коня.
Слышалось: — Великий, так негоже!..
Он ответил: — Бог простит меня.
Жизнь свою судьбе вручаю смело
И готов, возвысив нашу честь,
Постоять за праведное дело,
Ну а если надо — умереть...
Холодком попыхивали шлемы,
На кольчугах лунный свет мерцал.
И над полем, что лежало немо,
Покатился голосов обвал...
— Будем биться! — небо повторило, —
Мы с тобою, княже, видит Бог!
Ольгердович⁵ вскрикнул: — Эка сила!
— Дивно войско! Кто б подумать мог?!
— От начала мира не бывало
— Силы той, что здесь открылась мне!
Вторил брату младший брат Ягайло ^{6К}—
Богатырь в чешуйчатой броне...
Оба убежали, как из плена,
Русскому соседу помогать.
И была верна Москве безмерно
Боевая полоцкая рать...
Слышала те голоса Непрядва,
В наши дни издревле торопясь.
Мне она поведала всю правду,
Не теряя с днем той битвы связь.

2

За пеленой промозглого тумана
Стонали, надрываясь, кулики.
— Удача, что ли, изменила хану, —
Ворчал юртджа⁷, катая желваки.
Перебирая взглядом лица свиты,
Хан мучился догадкою с утра:
«Тумены⁸ мои веселы и сыты,
За что Сульде⁹ не хочет мне добра?!»
Туман висит вокруг, как покрывало,
Полки урусов не видать вдали.
Где затаился подлый трус Ягайло!?
Где князь рязанский — оба не пришли!
— Улусники! — шипел он. — Я измену
Вам не прошу, припомните слова.
Придет пора — на колья вас надену,
В огне исчезнет гордая Москва...
Охрана говор слушала учтиво.
Кивала, поправляя палаши.
Пайцца¹⁰ у хана щерилась брезгливо,
И взгляд сверкал, как острые ножи.
А на лице, белеющем зловеще,
Чернели полумесяцем усы.
От шапки, ловко облекая плечи,
Спадал за спину пышный хвост лисы.
Как чьи-то слезы горькие, мерцали
Алмазы на оправе палаша,
Рвалась окинуть Подмосковья дали
Мамая разъяренная душа.
Она никак смириться не желала,

Что изменил продажный человек:
Сейчас бы сам он растерзал Ягайло,
Втоптал бы в землю, появишься Олег¹¹
А бесермены в ожиданье битвы
Хвалили расторопного мурзу¹²
Острили сабли тонкие, как бритвы,
И пили горячащую хорзу¹³
Пристегивали грузные колчаны,
Натягивали крепче тетиву.
И кони их за ключьями тумана
Щипали отсыревшую траву...
Приоткрывалось неохотно поле.
Лениво к речкам уползала тьма.
И песня, леденящая до боли,
Еще плыла от Красного холма:
«...У кого денег нет,
У того дитя возьмем.
У кого дитя нет,
У того жену возьмем.
У кого жены нет,
Самого возьмем...»
И вера в ханском сердце клокотала,
И нетерпенье душу ему жгло.
А в небе воронье уже скликало
Садиться храбрых воинов в седло.
3
Еще та кровь, что утекла в Непрядву,
Покрыла Дон в багровые тона,
В висках стучала, озаряла взгляды
И распалила ратников она.

В мозгах рождала трепетные думы,
Живые исторгала голоса...
Туман редел и оседал угрюмо.
И солнце осенило небеса...
А над Непрядвой сбор играли трубы.
Теснясь, за князем двинулись полки.
За конницею, словно лесорубы,
Спешили с топорами мужики.
Подрагивало, оживая, поле,
Глуша команд горячие слова.
И Спас не знал, какая ждет их доля,
Чья с плеч удалых рухнет голова...
Вмиг у костров ордынских по-шакальи
Затявкали горластые рожки.
Хан от шатра, оглядывая дали,
Рассматривал московские полки.
А перед ним, развертываясь клином,
Спеша, как будто бы на торжество,
Холм обтекая, двинулась лавина
Туменов сокрушительных его.
Мерцали копья, колыхались гривы,
Стелились кони, всадников неся.
Седая пыль шарахалась пугливо,
Светило выходящее гася.

---

¹ Девичье поле — место сбора войск Дмитрия.

² Река, на которой Дмитрий побил татар в первый раз.

³ Спас — покровитель русского воинства.

⁴ Игумен — Сергей Радонежский, вдохновитель на битву.

⁵ Ольгердович — брат князя литовского.

⁶ Ягайло — Великий литовский князь.

⁷ Ортджа — советник хана.

⁸ Сульде — бог, покровитель татар.

⁹ Тумен — боевое соединение войск Мамаю.

¹⁰ Пайцза — знак ханской власти.

¹¹ Олег — князь рязанский, был в сговоре с Мамаем.

¹² Мурза — снабженец в татарском войске.

¹³ Хорза — водка из кобыльего молока.

Александр Ананко

* * *

Маленькой девочке хочется

знать,

Кто это ветку качает?

— Птичка, а птичка, как тебя

звать?

Птичка не отвечает.

Девочке годик пошел

шестой.

Что может знать про зло она?

Кем-то разорено птичье

гнездо,

Ветка у деревца сломана.

Девочке светят цветы

и листва,

Девочку утро встречает.

— Деревце, деревце,

как тебя звать?

Деревце не отвечает.

Где-то в сиянии лучшей

весны

Ждут ее боль и отчаяние

За неискupленность

чьей-то вины,

За вот такое молчание.

В жизни не все еще тишь
да и гладь,
Есть далеко не принцы...
Что же вы с ней не хотите
играть,
С

Колокола

Издревле вы звенели по Руси,
О радостях и горестях глаголя,
Граненые колосья колокольни
В тяжелых каплях бронзовой росы.
Веков минувших вещей переклик! —
Ликуют ярмарки.
Гремят оковы...
Звон чаш и плач над полем Куликовым —
Вы все в душе певучей сберегли.
Огонь мужества живет в сердцах певцов,
И это доказали вы со славой.
Вы, обратись в орудья, под Полтавой
Разили грозно лютых пришлецов.
И нынче не должны вы быть забыты,
И хорошо бы вместо стертых слов
В честь знаменательных событий —
Искристый перезвон колоколов.

* * *

Если хочешь узнать ты,
Какой ты мне снишься,
То возьму я у неба
Художника дар
И тебя нарисую
Рябиновой кистью,
Только пусть эту кисть мне
Подарит октябрь.

Чтобы ты получилась
Святой и лукавой,
Той, какую любил я,
Какой не владел,
Я тебя бы украсил
Росистой купавой,
Что вот только очнулась
В прозрачной воде.

Вот и вышла ты яркой,
Беззаботно красивой,
Узнаешь ты свой облик?
Но чего-то в нем нет...
Может, стебель зеленый
Злой и жгучей крапивы
Завершил бы достойно
Твой полный портрет.

* * *

Есть тайны тайн — как звезды родились,
Как зарождались золотые жилы.
Бесценен древней летописи лист,
Как Русь стояла и как люди жили.
О, сколь великой силой обладал
Поэт, чье сердце — колокол Отчизны,
И боль всяя земли — Его беда
Превыше смерти и превыше жизни.
Пуржили стрелы и пожар пылал,
Накатывали орды с волчьим воем,
И книга в жизнь снаряжена была —
Не в келье инок, а во поле воин.
И слово, воссиявшее во тьме,
Всходило — миру явленное чудо.
Оковка уголков. Застежек медь.
И переплет, что крепкая кольчуга.
И красных строк червленые щиты,
И стройность слов в оправе самоцветной,
В огне рожденных, закаленных ветром,
Запечатлевших времени черты.
Не застит солнца свет трава-плакун
Погибшим или канувшим без вести,
Там, у истоков мужества и чести,
Не зря стояло «Слово о полку».
В себе хранило «Слово о полку»
Разгромы орд и крестоносцев хмурых,
Суворовские яростные штурмы,
Бородино и Курскую дугу.
Быль старины быльем не поросла,

А вознеслась величием былинным.
И эхо плача русских Ярославн
Летит в высоком клике лебедином.
И я готов край поля целовать,
Как перед битвой пламенное знамя,
Когда в моей душе звенят слова:
«О, русская земля! Ты — за холмами...»

* * *

Поглядит эта женщина милая

Так, что дерево выдохнет:

— Ах...

Красоту ее лето цитирует

В пятнах солнечных,

В листьях, в цветах.

Мне ль не видеть загадочной прелести,

Обреченному лишь любоваться

Полудетскостью и полузрелостью,

Гибкой грацией и угловатостью.

А она в ликовании лета

Ходит мимо, склоняясь к цветам,

На отлете с наполненной лейкой,

Что не гнет, а прямит ее стан.

К сожаленью, мне слишком известно,

Что сижу над бездонной рекой,

И на том берегу мое место,

От нее далеко-далеко.

Красоты бескорыстный заложник

С прирожденным душевным надломом,

Я всего только бедный художник,

Властный только над призрачным

словом.

То, что призрачно, неудержимо,

Удержать вождедеет мой взгляд —

Озарение праздника жизни,

Ливень солнечный,

Женщину,

Сад.

* * *

Ты приснись наяву.
Ты явись мне во сне,
Пронесись метеором сверкающим.
Свет в окне,
Мир в огне,
И все это во мне,
Твоим именем тьму отвергающим.
Утиши мою душу, пушистый январь,
Принеси избавленье от блажи.
Полыхает метель, во не гнет дерева
С величавой осанкой лебяжьей.
Разъединный из многих
Один человек,
Роковая моя неизбежность.
Свет в окне,
Сонный снег,
Нежность смеженных век,
И на сердце нежданная нежность.
Я из ветра, из света твой облик леплю,
Я ловлю легкий шелест дыханья.
И учусь говорить я со слова «люблю»,
Но зато уже сразу стихами.

* * *

Блуждал бы я в жизненных дебрях,
Не зная путем, куда бресть,
Но вот объявился вдруг недруг,
Я был почти рад, что он есть.
На улице встречу — он косо
Глядит на меня, как на нуль,
С немым и проклятым вопросом:
«Ты жив еще, дескать, ну-ну»...
Во взгляде все это читая,
Я чувствовал: верно, я жив,
Не сломлен ничем ни черта я,
И нечего, значит, тужить.
Во мне не терпел он пороки,
Которые я презирал.
Был рад я медвежьей помощи,
Себя исправлять не зевал.
Нас как бы сроднила не только
Вражды роковая печать.
Он умер всерьез и надолго,
И мне его не повстречать.
Я помню, когда с ним простился,
Последнюю почесть отдав,
Он вздрогнул и перекосялся.
Из гроба меня увидав.
Остался у памяти в недрах
Сегодня он в свете ином...
Хороший, надежный был недруг,
Я думаю часто о нем.